

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ И ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Работы П. М. Мелиоранского по изучению тюркизмов в русском языке явились первыми систематическими разысканиями этого рода; они не только стояли на необходимой научной высоте, соответствовавшей представлениям языковедения начала нашего века, но и опережали свое время и отличались глубоким знанием разнообразнейшего фактического материала, строгой методикой и большой осторожностью в суждениях. Как говорит сам П. М. Мелиоранский, «турецкие и иные восточные слова, заимствованные русскими чрез посредство туток, составляют несомненно одну из любопытнейших тем, которыми может задаться русский турколог». С этими словами знаменитого востоковеда трудно не согласиться. И действительно, вряд ли найдется какая-либо другая языковая группа, которая снабдила русскую речь таким огромным числом лексических заимствований, как семья тюркских языков.

Объясняется это хорошо известными историческими обстоятельствами, в силу которых восточные славяне издавна соприкасались с целым рядом тюркских племен и народов, вероятно от гуннских времен до Золотой Орды и тех татарских ханств, которые появились вследствие ее распада, т. е. до «времен Очаковских и покоренья Крыма» включительно, и даже до наших дней.

Из огромного богатства возникших на этой почве тюркских заимствований в русском языке П. М. Мелиоранский избрал тот слой, который представляют ориентализмы, встречающиеся в древнерусской письменности домонгольского периода.

20 декабря 1901 г. он читал в Восточном отделении Русского археологического общества свой первый доклад «Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“»; содер-

жание этого доклада было затем опубликовано (ИОРЯС, 1902, т. VII, кн. 2).

Здесь были подвергнуты всестороннему рассмотрению следующие элементы лексики «Слова»: *блѣванѣ*, *Боянѣ*, *бояринѣ*, *бусый*, *быля*, *дивѣ*, *женчюгѣ*, *коганѣ*, *кощей*, *ногата*, *орѣгма*, *салтанѣ*, *харалугѣ*, *хорюговѣ*, *чага*, *шереширѣ*, *япончица*, *яруга*. В 1902 г. появились критические «Заметки» на эту статью, принадлежавшие другому выдающемуся востоковеду, Ф. Е. Коршу (ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 4), что вызвало со стороны П. М. Мелиоранского подробный ответ под заголовком «Вторая статья о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“» (ИОРЯС, 1905, т. X, кн. 2). В этой статье были вновь подвергнуты внимательному разбору слова: *блѣванѣ*, *бояринѣ*, *быля*, *ногата*, *харалугѣ*, вызвавшие сомнения у Ф. Е. Корша в отношении их толкований в первом этюде П. М. Мелиоранского. Наконец, вскоре после этого появилась новая статья «Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени», написанная П. М. Мелиоранским на основе тщательного изучения лексического состава древнерусских памятников (ИОРЯС, 1905, т. X, кн. 4).

За основу, как говорит П. М. Мелиоранский, были приняты «все памятники русского языка до 1225 года, сведения о коих помещены в известном труде И. И. Срезневского „Древние памятники русского письма и языка X—XIV веков“, 2-е издание, 1882 г.». Таким образом, были выделены и подвергнуты этимологическому анализу следующие 27 слов: *актазѣ*, *батогѣ*, *бесурменинѣ*, *билинч(а)*, *бисерѣ*, *ватага*, *евшанѣ*, *каганѣ*, *каторга*, *клубукѣ*, *коврыгѣ*, *кѣрчаг(а)*, *кума*, *кумыз(а)* [*комуз(а)*], *курганѣ*, *лошадь*, *лыскар(е)*, *ропат(и)*, *сайгатѣ*, *санѣ*, *скоморох(ы)*, *товарѣ*, *тѣртак(а)*, *учанѣ*, *чара*, *чертогѣ*, *шатерѣ*.

Всего в результате было изучено 45 лексических единиц древнерусского языка домонгольского времени, действительно имеющих восточное (преимущественно тюркское) происхождение или кажущихся таковыми. При этом обсуждение каждого такого элемента сопровождалось привлечением большого числа разных источников — тюркских, монгольских, персидских, русских и иных, что позволило П. М. Мелиоранскому дать целый ряд бесспорных выводов, которые будут всегда сохранять свое полноценное научное значение.

Сюда относятся, в частности, тюркские этимологии слов: *быля*, *женчюгѣ*, *коганѣ* (*каганѣ*), *салтанѣ*, *япончица*, *яруга*; *актазѣ*, *бесурменинѣ*, *евшанѣ*, *клубукѣ*, *кумыз(а)*, *курганѣ*, *ропат(и)*, *сайгатѣ*, *санѣ*, *чага*, *товарѣ*, *учанѣ*, *чертогѣ*, *шатерѣ*.

Научная добросовестность П. М. Мелиоранского особенно

ярко проявляется в тех случаях, когда имеющиеся фактические материалы были недостаточны для бесспорного решения тех или иных вопросов. Так было, например, со словами: *баяринъ, скоморох(ы), чара* и некоторыми другими, о которых этот исследователь не решился высказать свое окончательное суждение.

Его полемика с другими авторами представляет образец терпимости и уважения к чужому мнению, что, к сожалению, не всегда соблюдается даже и в наше время. П. М. Мелиоранский всюду неизменно указывает на приоритет тех лиц, которым случалось опередить его в толковании отдельных элементов русского языка, разъясняемых из восточных данных. В особенности любопытно здесь указание на Н. Г. Чернышевского, впервые правильно объяснившего слово *сайгатъ (сайгаты)*, неоднократно встречающегося в Ипатьевской летописи, о чем еще речь пойдет ниже.

Не касаясь других работ П. М. Мелиоранского, скажем только, что наше скупое и сухое описание содержания трех упомянутых его статей, которые являются основными по вопросам подобного рода, не дает точного представления о богатстве заключенных в них материалов и выводов. Исследования П. М. Мелиоранского не потеряли своего значения и в наши дни — их следует внимательно изучать. Заметим, кстати, что в архиве П. М. Мелиоранского имеются, по-видимому, некоторые дополнительные материалы¹.

Для нас здесь существенным является вопрос о том, в какой мере это наследие большого русского ученого используется в наше время, когда прошло свыше шестидесяти лет с момента появления его публикаций, и не требуют ли выводы П. М. Мелиоранского поправок и дополнений.

Разумеется, подобные исправления и дополнения в любом случае неизбежны (о том, что можно внести сюда нового, мы скажем далее), но основное ядро результатов П. М. Мелиоранского остается и останется незыблемым.

В использовании научного наследия этого замечательно-го ученого наблюдается некоторая двойственность, встречаемая, впрочем, нередко: с одной стороны, лица, ближе знакомые с историей науки, ссылаются с полным основанием и знанием дела на самого П. М. Мелиоранского, а с другой — те, кто обычно совсем не упоминает его имени, указывают лишь на посредствующие источники (этимологические словари или позднейшие работы, в которых часто содержится лишь повторение результатов русского тюрколога, иногда неточное, а порой и без упоминания его имени). Впрочем, самым уди-

¹ Сообщение И. Г. Добродомова.

вительным явлением оказывается прямое и безоговорочное использование материалов, содержащихся в работах, написанных до появления трудов П. М. Мелиоранского, как будто этих трудов и не было.

Чтобы не быть голословными, приведем один пример, весьма характерный в данном отношении. В очень важном и ценном издании — «Материалы для терминологического словаря древней России», осуществленном Г. Е. Кочиним, под редакцией покойного акад. Б. Д. Грекова (изд. АН СССР), читаем: *сайгат* — «военная добыча, трофеи», с соответствующими ссылками на Ипатьевскую летопись. Между тем П. М. Мелиоранский писал в своей третьей статье (ИОРЯС, 1905, т. X, кн. 4, стр. 125): «Значение этого слова было верно объяснено Н. Г. Чернышевским (Материалы I, 561); это — подарки из добычи, подносимые победителем в знак почета обыкновенно старшим родственникам...» Далее следует подробнейший и основательнейший востоковедческий комментарий к слову *сайгат*, данный знаменитым тюркологом и полностью подтверждающий замечательную интуитивную догадку великого русского революционера-демократа, не знавшего, конечно, тюркологических подробностей. Здесь мы видим совершенно поразительное, но нередкое в научной литературе явление, возникающее отчасти вследствие отсутствия интереса к результатам специалистов другой, хотя бы и родственной, области, отчасти по другим причинам.

Удачная догадка Н. Г. Чернышевского была помещена в издании «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», появившемся еще в 1854 г. (!) под редакцией выдающегося знатока древнерусского языка И. И. Срезневского, но осталась не замеченной последним, и в его известных «Материалах для словаря древнерусского языка» (т. III, стлб. 244) находим: «сайгат — военная добыча, трофеи». Это издание заслуженно пользовалось и пользуется огромным авторитетом у всех исследователей русского языка, поэтому неточная, даже неверная формулировка И. И. Срезневского вошла во все без исключения словари — терминологические и прочие, вплоть до этимологического словаря М. Фасмера, где значится все то же: «сайгат — Beute, Kriegsbeute», что совершенно не соответствует истине. (Это не трофеи, это подарки из трофеев старшим лицам.)

Таким образом, ни Г. Е. Кочин, ни М. Фасмер, ни многие другие лица, занимавшиеся русской историей или русским языком, не учитывали тюркологическую литературу, в том числе и замечательные статьи П. М. Мелиоранского, прямо относящиеся именно к русским материалам. Примеров подобного рода, к сожалению, немало.

* * *

Более полувека прошло с той поры, когда трагически превалась плодотворная деятельность нашего замечательного соотечественника.

В области, интересующей нас здесь,— в изучении восточных элементов древнерусского языка — появилось в разных странах немало серьезных сводных работ или отдельных статей, принадлежащих перу С. Е. Малова, Ю. Немета, А. Зайончковского, К. Менгеса, И. Г. Добродомова и др. Однако все они так или иначе опираются на труды П. М. Мелиоранского, в довольно редких случаях внося свои поправки и дополнения. Если сравнить недавнюю работу К. Менгеса «The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the Igor' Tale» (Supplement to Word, Monograph № 1, New York, 1951) с первой статьей П. М. Мелиоранского, то принципиально нового здесь не найдем. Правда, имеются отдельные уточнения, например в отношении термина *кощей*, но все же еще, как нам кажется, недостаточные, так как привлечено мало языковых и исторических источников, характеризующих разные нюансы в семантике термина *кощей* (в различной обстановке, у разных народов)². Для слова *шерешеры* выдвинута новая этимология — более убедительная, чем довольно искусственные построения П. М. Мелиоранского, разделявшиеся, заметим кстати, Ф. Е. Коршем. Однако полной доказательности нет и у нового предположения, хотя оно и правдоподобно. Несколько небольших дополнений к результатам П. М. Мелиоранского сделано в работах, появившихся за последние несколько десятков лет.

* * *

Некоторые моменты не попали в поле зрения П. М. Мелиоранского по разным причинам. Первая из них — та, что этот исследователь несколько искусственно ограничил древнерусский период 1225 годом, вторая заключается в слишком большом влиянии, которое оказали на него такие крупные представители славянского и русского языкознания, как А. А. Шахматов и А. И. Соболевский,— влияние в смысле выбора толкований на русской почве тюркских заимствований.

Первое из этих обстоятельств — некоторое смещение конца домонгольского времени к 1225 г. (т. е. к моменту непосредственно после битвы на Калке) — привело к тому, что в

² Подробнее об этом термине (*кощей*) см. ниже.

поле зрения П. М. Мелиоранского не попали такие несомненно куманские слова, как, например, *кочь*: «кочь половцинь» (Ипат. лет., 1252 г.). Правда, это уже время, выходящее за пределы домонгольской эпохи, но речь здесь идет о половцах, участвовавших в боях с литовским князем Миндовгом и находившихся в составе рати Даниила Галицкого.

Из текста видно, что русские и половецкие всадники в этих схватках «гонишася на поли подобно игре» (т. е. как на турнире), причем случилось, что «застрели кочь Половцинь Миндогова в стегно», т. е. удалой наездник (*кочь* «баран», «храбрец») ранил Миндовга. *Кочь* — несомненный тюркизм, не попавший в перечень П. М. Мелиоранского; слову *кочь* вообще не повезло, так как в первом издании Ипатьевской летописи (ПСРЛ, т. II, 1843, стр. 188) было ошибочно напечатано «конь» (вм. *кочь*), и только в издании Археографической комиссии 1871 г. эта курьезная ошибка была исправлена (стр. 543). Однако здесь была допущена другая ошибка, так как это место редактор издания С. Н. Палаузов снабдил весьма странным примечанием: «последнее слово (т. е. *кочь*.— А. П.) означает сухого скудобородого человека... (кошь)».

В результате слово *кочь* выпало из числа древнерусских тюркизмов, не попав даже ни в один из этимологических словарей (в том числе и в словарь Фасмера). Зато мы видим его в терминологическом словаре Г. Е. Кочина, ошибочно там напечатано «дочь» вместо «кочь» — с пояснением: «кочь — кошь (ср. кощей)», а там — в статье «кощей» — стоит: «кощей — слуга, раб», что тоже, конечно, далеко не вполне совпадает с истиной. *Кочь* (тюрк. *коч*) и *кощей* (тюрк. *кошчи*), разумеется, совершенно разные слова, хотя и то и другое имеет, несомненно, именно тюркское происхождение.

* * *

Вероятно, можно понимать как тюркизм и *карна* в «Слове о полку Игореве»: «Игорева храбраго пълку не кресити. За ним кликну карна и жля поскочи по Русской земли, смагу мычючи в пламяне розе».

По-видимому, речь идет вовсе не об оплакивании русскими людьми погибшей рати Игоря Святославича, а о набеге половецкой орды под звуки труб (*карна*) и волюнок или дудок (желя, желейка), употреблявшихся конниками, причем половцы одновременно метали «живой огонь» из пламенного рога.

Как любезно сообщил нам большой знаток средневековых иранских источников проф. И. П. Петрушевский, персидское

karnâ «труба», «рожок» встречается в этих источниках уже в XII в., имея, вероятно, еще более раннее происхождение.

Разумеется, в «Слово о полку Игореве» *карна* попало не прямо из иранских языков, а, очевидно, через посредство куманов.

Заметим, что имеется и другой источник — так называемое «Слово некоего христороуба»³, где «оканнаа желеinea и каранiа» имеют, по-видимому, тот же смысл — игра на духовых инструментах — здесь уже для увеселения на пирах, а не как сигнал к бою.

* * *

Весьма любопытными являются те примеры тюркизмов, проникших в древнерусский язык, которые не были учтены П. М. Мелиоранским вследствие трудности их распознавания среди других — коренных русских данных.

Рассмотрим один подобный пример. В Ипатьевской летописи под 1174 г. читаем описание посольства великого князя Суздальского Андрея Боголюбского к Ростиславичам: Андрей отправил к ним своего мечника Михна с категорическими требованиями выполнить все те распоряжения о перемещении князей, которые перед этим были переданы тем же мечником от имени суздальского князя. Старейший из Ростиславичей — Мстислав — возмущен непомерными претензиями Андрея и приказал остричь голову и бороду посла, что являлось тогда величайшим оскорблением и бесчестьем. «Андрей же то слышав от Михна, и бысть образ лица его попуснел, и взостриxa на рать...» — говорит летопись.

Таким образом, мы видим здесь глагол *попуснеть*, исчезнувший впоследствии из общего оборота; означает он «омрачаться», «становиться мрачным», «сердиться».

Нет никакого сомнения, что мы имеем дело с чисто тюркскими данными — турецкое *pustak*⁴ в точности означает то же, что и древнерусское *попуснеть*. Однако совершенно ясно, что выделить этот последний элемент древнерусской лексики в качестве тюркизма с первого взгляда довольно трудно, так как он оформлен полностью по правилам русского языка, так сказать, замаскирован под его данные. Если мы возьмем другие примеры употребления этого глагола в русском языке, то

³ А. И. Пономарев, Памятники древнерусской церковно-учительской литературы, СПб., 1894—1898.

⁴ См.: В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, IV, 2, СПб., 1911, стлб. 1865: бусан (казан.-тат.) «раздражаться, рассердиться»; стлб. 1384: пус «пар, легкий туман»; «печальный, мрачный, пасмурный»; стлб. 1385: пус (глагол) «быть мрачным, печальным (турецк.)».

обнаружим, что он вполне приспособился к новой среде, его тюркская сущность с трудом может быть обнаружена.

За подробностями отсылаем к известным «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, где указано несколько примеров XII—XV вв.: *попуснети, попухнети, поыхнети*⁵ и пр. Весьма замечательно, что даже известные явления чередования *с — х* (типа *опоясаться — опояхаться, ужаснуться — ужახнуться* и т. п.) отразились в этом обрусевшем тюркизме (разумеется, по аналогии с более ранними восточнославянскими явлениями). Это дает некоторое представление о причинах неполноты выделения восточных элементов древнерусского языка в исследованиях П. М. Мелиоранского и других авторов.

Иногда трудно определить, является ли тюркское слово, встреченное в древнерусском тексте, именем собственным или нарицательным. Хороший пример этого представляет Ипатьевская летопись под 1224 г.⁶: «...тогда же великий князь Половецкий крестися Басты». Из всего относящегося сюда летописного сообщения ясно, что таким князем великим был тогда Юрий Кончакович, сын знаменитого Кончака.

Басты, быть может, являлось просто тюркским обозначением «великого князя», что соответствует тюркскому *басты* «главный, главарь» (*resp.* «великий») ⁷. Таким образом, весьма вероятно, что это не личное имя, а титул, соответствующий русскому «великий князь»; относится этот титул, как можно думать, к Юрию Кончаковичу, который в то время был «большим всех Половец» ⁸.

Конечно, трудно решать вопрос о точной принадлежности термина *басты* к тому или другому тюркскому языку XIII в., так как состав тюркских племенных групп, находившихся на службе у Руси в XII—XIII вв., был очень сложным, и мы не располагаем достаточными сведениями о лексике их языков.

Заметим здесь только, что *baštij* «первый», «главный» имелось и у древних тюрков ⁹.

⁵ Стлб. 1198, 1199, 1202; ср. также стлб. 699 (опусневати, опуснети).

⁶ Летопись по Ипатьевскому списку. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1871, стр. 495. Это же сообщение можно найти в Лаврентьевской летописи под 1223 г. (год битвы на Калке) — в фототипическом издании оригинала 1926 г. (ПСРЛ, т. I, Летопись по Академическому списку, М., 1962, стлб. 505).

⁷ В. В. Радлов, Опыт словаря, IV, 2, стлб. 1536: басты (казахск.) «главный, главарь».

⁸ Ипат. лет., стр. 495. Юрий Кончакович, вероятнее всего, носил свое греческо-русское имя (Юрий), еще не будучи крещеным, что не представляло исключения среди половцев того времени.

⁹ Древнетюркский словарь. Ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, Л., 1969, стр. 88.

Вероятнее всего принадлежность древнерусского термина *басты* южнорусским берендеям, так как именно у них в 70-х годах XII в. главным вождем был Бастий, или Бастей¹⁰, как его именует летописец того времени. Впрочем, и в этом случае трудно с уверенностью утверждать, что это имя собственное (личное), а не титул, так как русские летописи не дают твердых оснований для подобного различения и сомнение в правильности выбора того или иного решения все-таки остается. Во всяком случае, можно допустить, что *Басты* летописного русского известия 1223 (1224) г. представляет собой нарицательное имя со значением «главный», «главарь», а не личное имя. Следует указать еще, что обязательно связывать этот титул (*басты*) с именем Юрия Кончаковича, как это сделано нами; дело в том, что у половцев в то время был не единственный князь, которого можно было назвать «великим» или «главным»¹¹.

Таким же был, например, и Котян — тесть знаменитого Мстислава Мстиславовича Удалого, живший одновременно с Юрием Кончаковичем; поэтому нельзя настаивать на обязательном присвоении предполагаемого титула *басты* именно последнему.

Русские источники выделяют из числа половецких князей тех, которых они именуют «лепшими», но это, конечно, не означает, что их можно было бы сопоставить с великими князьями древней Руси¹², — «лепших князей» было слишком много среди половцев.

* * *

Обратимся теперь к одному примеру, который интересен тем, что толкование, данное П. М. Мелиоранским, может быть оспариваемо, причем еще значительно ранее опубликования статей этого автора было высказано мнение, кажущееся нам более основательным.

Речь идет о том месте «Слова о полку Игореве», где сказано о первом (победоносном) столкновении русской рати с половцами, причем победители «орьтмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякими узорочьи Половецкыми»¹³.

¹⁰ Ипат. лет. под 1170 и 1172 гг. (стр. 369, 372).

¹¹ Так же тогда обстояло дело и на Руси — титул великого князя принадлежал одновременно нескольким лицам.

¹² См.: А. И. Попов, Кыпчаки и Русь, — «Уч. зап. ЛГУ», № 112. Серия историч. наук, 1949, вып. 14, стр. 100—101.

¹³ Слово о полку Игореве. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. А. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, «Первое издание», стр. 11.

Нельзя, конечно, сомневаться в том, что *орьтъмы* и *япончицы* являются подлинными тюркизмами, заимствованными русской дружинной речью из куманского (половецкого) языка или от родственных половцам тюрков, берендеев и прочих тюркских защитников южных границ Киевской и Черниговской Руси.

П. М. Мелиоранский был того мнения, что слово *орьтъма* произошло от тюркской основы *ört-* «покрывать», присоединяясь в этом отношении к соображениям, высказанным И. Н. Березиным гораздо ранее¹⁴. При этом П. М. Мелиоранский сам говорит по поводу слова *орьтъма* следующее: «Это слово хорошо объясняется из одного турецкого¹⁵ корня, хотя такого слова в турецком языке и до сих пор ни в одном диалекте или памятнике не найдено» (подразумевается корень *ört-*).

Далее П. М. Мелиоранский указывает на гипотетическую возможность образования этого недостающего *örtmä* и заключает свое суждение словами: «Максимович сближал „орьтъма“ с куманским артмак, саквы, но с формальной стороны необъяснимо, куда девался конечный „к“ и почему в русской форме этого слова после „р“ стоит „ь“»¹⁶.

Речь идет о мнении М. А. Максимовича (1804—1873), выдающегося и разностороннего ученого, внесшего заметный вклад в изучение «Слова о полку Игореве». Помимо его комментариев к «Слову»¹⁷ следует указать еще на малоизвестное письмо этого исследователя к П. И. Савваитову, выдержка из которого приведена последней в работе «Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора»¹⁸. Здесь М. А. Максимович пишет: «Мне удалось вычитать в известном словарьке Половецком¹⁹ слово артмак — *bissaccium*, т. е. саквы, и после этого положительного сведения не для чего бы, кажется, вдаваться в иллюзию, что ортмы — одежды, из-за следующих с ними япончиц и козухов, которые также были в Половецком обозе вместе с саквами».

Приходится полностью согласиться с этим мнением, так как сомнения П. М. Мелиоранского относительно исчезновения конечного -к напрасны; он не заметил, что даже в самом «Слове о полку Игореве», как и в летописи того времени,

¹⁴ «Москвитянин», 1854, VI, 71.

¹⁵ Т. е. тюркского — в соответствии с теперешней терминологией.

¹⁶ Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», — ИОРЯС, 1902, т. VII, кн. 2, стр. 293—294.

¹⁷ М. А. Максимович, К объяснению и истории «Слова о полку Игореве», — Собрание сочинений, т. III, Киев, 1880, стр. 647.

¹⁸ СПб., 1896, стр. 159. Это письмо помечено 4 августа 1870 г.

¹⁹ Подразумевается «Codex Cumanicus».

наблюдается написание одного и того же половецкого имени в одних случаях *Коза*, в других (неоднократно) — *Гзак*.

Что касается формы *орьтъма*, то весьма вероятно возникновение *ь* на русской почве — вместо *ъ*, чему имеется множество примеров, совершенно закономерных и давно известных (вроде *истьба* и *истъба*, *тълковины* и *тльковины*, *Мъста* и *Мьста* и т. п.).

Впрочем, вероятно, дело даже не в этом, а в прямом искажении переписчиками *ъ* в *ь*, чему также имеется много примеров в ряде древнерусских источников; что же касается «Слова о полку Игореве», то в нем, несомненно, можно найти целый ряд искажений подобного рода, причем в значительной степени они возникли, по-видимому, при последней переписке погибшего впоследствии оригинала²⁰.

В силу сказанного выше следует считать правым М. А. Максимовича: *орьтмы* (или *орътмы*) произошло от половецкого *artmak* «переметные сумы, вьюки» — от *art* «спина».

Параллельные данные имеются во всех тюркских языках вплоть до чувашского *ортмак*, *уртмак*, *уртмах* «переметный кожаный мешок», «нечто вроде двух переметных сум» (*bis-saccium*) и т. п.²¹.

Впрочем, источником заимствования вряд ли были в данном случае древнечувашские (булгарские) данные, так как куманское *artmak* должно было превратиться именно в *орьтъма*, где слабое конечное *к* оригинала исчезло, быть может, не без влияния русского *сума*.

Принимая точку зрения М. А. Максимовича, мы можем теперь переводить разбираемый фрагмент «Слова» (*орьтъмами* и *япончицами*...) следующим образом: «вьюками и попонами, и кожухами начали мосты мостить по болотам и топким местам, — и всякими узорочьями Половецкими». Некоторые другие подробности об этом можно найти в нашей статье²².

* * *

Теперь обратимся к другому примеру из «Слова о полку Игореве» и летописи, о котором выше уже было сказано несколько слов. Мы говорим здесь о термине *кощей*, который требует более подробных разъяснений, чем это делалось до сих пор. Этот пример тюркизма в древнерусском языке был

²⁰ Об одном из таких искажений текста см.: А. И. Попов, «Каяла» и «Канина» в «Слове о полку Игореве», — «Русская литература», 1967, № 4, стр. 217.

²¹ См.: Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, вып. III, Чебоксары, 1929, стр. 287—289.

²² Заметки о «Слове о полку Игореве», — «Русская литература», 1969, № 4, стр. 181—186.

не полностью освещен и П. М. Мелиоранским и позднейшими комментаторами.

Разумеется, тюркская принадлежность этого слова была твердо установлена П. М. Мелиоранским, но оставалось выяснить еще много деталей в отношении различных семантических оттенков древнерусского *кощей*, *кощий* («седло кощиево»), как и его тюркского оригинала *кошчи* (*кошчы*).

П. М. Мелиоранский правильно указал, что первоначальным значением слова *кошчы* на тюркской почве является «стоящий при кочевом поезде (*кош*), обозный»²³.

Он не отметил, однако, того обстоятельства, что и в русских дружинных условиях термин *кощей* имел тот же смысл, что доказывается его летописным употреблением. В Ипатьевской летописи под 1170 г. говорится о действиях князя Мстислава Изяславича, что он «пусти на воропъ седельники свое и кошее»; отсюда ясно, что седельник и кошей почти равнозначные понятия²⁴, обозначавшие воина из обоза, в распоряжении которого имеются оседланные или запряженные лошади. Такого рода конные обозы (тюркское и заимствованное древнерусское *кош*) сопровождали обычно рати того времени в походе; служащие в *коше* обозные воины — *кощеи* и седельники — увозили после боя добычу и знатных пленных, а иногда, как видно из указанного летописного известия 1170 г., сами ходили в атаку по приказанию князя.

Весьма интересно, что в других летописных списках вместо «седельники и кощеи» Ипатьевской летописи стоит «седельники и кошевники»²⁵.

Кошевник — тот же *кощий* или *кощей* (тюркск. *кошчи*, *кошчы*), только формант здесь русский, а основа та же: *кош* — общетюркское обозначение войска, стана, обоза и одновременно пары.

Соответствующая глагольная основа *кош-* означает «соединять», «объединять», «спаривать», что и объясняет указанную двойственность.

Отсюда в различных тюркских языках произведен ряд других образований, которые можно найти в соответствующих источниках²⁶.

²³ Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», стр. 291.

²⁴ Не исключено даже, что *кощей* и седельник не различались вовсе.

²⁵ Львовск. лет., стр. 124 (1169 г.); Тверск. лет., 239.

²⁶ Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, II, СПб., 1871, стр. 82—84; В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, II, ч. 1, стлб. 635—646; J. Th. Z e n k e r, Dictionnaire turc-arabe-persan, Leipzig, 1866—1876, стр. 717 и др. Существует много других источников, содержащих большое число данных этого рода (связанных с основой *кош-*) в отдельных тюркских языках (турецком, татарском, киргизском, казахском, узбекском и ряде других). Отсюда же казачье слово *кошевой*.

Еще раз подчеркнем, что и в древнерусском языке термин *кощей* имел (в дружинной среде), несомненно, тот же самый (основной) смысл, что и тюркское *кошчи*, т. е. «конник с парой (или более) лошадей»²⁷, служивший в войсках кочевников (а также, по этому образцу, и в русских) для транспортировки ценнейшей добычи и знатнейших пленников.

Однако уже и на тюркской почве при оседлости (например, в Средней Азии) и занятиях земледелием возникло другое значение термина *кошчи* — «пахарь, работник с парой лошадей»; в этом смысле оно существует у узбеков и заимствовано также соседним таджикским языком. Не удивительно поэтому, что и в «Слове о полку Игореве» мы встречаем упоминание о *кощее* не только как об обозном военнослужащем, но и как о пленном половце — пахаре на русских полях²⁸.

Возможно, что термин *кощей* с юга пришел позже и на север, так как А. В. Арциховский среди новгородских берестяных грамот найдена одна, которая начинается так: «Челобитье от кощей и от половников. У кого кони, а те худы...»²⁹.

Можно предположить, что *кощей* не имя собственное, а отражение все того же заимствованного из тюркских языков термина *кощей* в значении «пахарь» (или в данном случае, быть может, ключник, заведующий конями). Удивительного в таком территориальном переселении южного заимствования в новгородские земли ничего нет.

Достаточно напомнить, что тюркское слово *казак*, попавшее в русский язык около XV столетия с совершенно определенным значением, в первой половине XVI столетия широко зарегистрировано даже на Беломорском Севере, где приобрело в значительной степени иной смысл: «свободный, вольный наемный работник»³⁰. Нечто подобное могло иметь место и с термином *кощей*.

Отметим также, что в описании убиения князя Андрея Боголюбского (1174 г.) летописец говорит, что с ним был «Кощей един мал детеск», так что этот же термин на русской

²⁷ Позже — в XV—XVI вв. — крымские татары совершали набеги на Русь, имея по несколько поводных коней на каждого воина; без этого грабительский поход не мог дать богатых результатов.

²⁸ К этому именно и относятся слова: «была бы чага по ногатъ, а кощей по резанъ» (т. е. в случае успеха русских военнопленные половцы дешево продавались бы для работ).

²⁹ Мы не передаем орфографии подлинника («цоканье» и пр.). См.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский, Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 года, М., 1963, стр. 64—65; грам. № 242. Эту грамоту А. В. Арциховский датирует началом XV в.; слово *кощей* считает именем собственным.

³⁰ Уставная грамота Соловецкого монастыря (1548 г.). Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права, СПб., 1859 (Акты Археограф. экспедиции, т. I, № 221), стр. 156—161.

почве применялся и к малолетнему слуге (позднейшее «казачок»). Следует, конечно, напомнить, что сам Андрей Боголюбский был половцем по матери.

Рассматривая внимательно все материалы, относящиеся к термину *кощей* (*кошчы*) как в тюркской, так и в русской среде, мы нигде не можем найти оснований для передачи значения этого слова в виде «раб», «пленник», как это обычно делают комментаторы, начиная с самых первых исследователей «Слова о полку Игореве». Всех вводило в заблуждение то обстоятельство, что после поражения «Игорь князь выседе из седла злата, а въ седло кошціево»³¹; последнее и толковалось как «седло раба, пленного». На самом деле это было седло лошади, которую вел в поводу половецкий *кошчи*, так что обычный комментарий совершенно не передает точной семантики выражения «седло кошціево»; несмотря на то что в это седло действительно садился пленник, термин *кощей* относился не к нему, а к увозившему его обозному воину.

П. М. Мелиоранский хорошо понимал тюркские истоки термина *кощей*, но не мог отрешиться от воздействия тех толкований этого термина на русской почве, какие он находил в использованной им литературе, подкреплявшейся авторитетом крупнейших специалистов по русскому языку, придерживавшихся этих же толкований.

К тому же П. М. Мелиоранский рассмотрел слово *кощей* только в первой своей статье, почти совершенно не затронув летописных данных, что и привело к некоторому ослаблению его аргументации по разъяснению тюркского первичного смысла термина. Это, несомненно, было причиной того, что его серьезный востоковедческий комментарий был мало оценен представителями русской науки и остался в тени.

Посмотрим теперь, как отразились указанные соображения П. М. Мелиоранского и других исследователей в этимологических словарях русского языка. Прежде всего обратимся к словарю А. Г. Преображенского, где читаем: «Кощей, р. кощей „худой, тощий; скелет; скряга — старик“; в сказках с эпитетом „бессмертный“; мр. кошчий „тощий, скелет“; др. кощей „раб, пленник; слуга, малый“ (Срезн. М. 1, 1307); сс. кошьть „gracilis“; нл. kostlar „заклинатель“. Не совсем ясно. Миклошич (MEW, 133 и сл.) отнес к кость; вероятно, ввиду значения „худой, тощий“. Но значение др. рус. не согласуется. Др. рус. считают заимств. из тюрк. Каллаш (РФВ, 23, 112 и сл.), и подробно Мелиоранский (Известия, 6, 2, 290 и далее): кощей: тюрк. кошчы от кош в смысле „кочевой поезд“; след., значение: „состоящий при поезде, обозный“, от-

³¹ «Слово о полку Игореве», первое издание, стр. 22.

сюда: „конюх, работник, пленник“. В каком отношении кощей в этом смысле и кощей „скряга“, „кощей бессмертный“, „скелет“ и проч., сказать трудно; вероятнее всего, слова эти не тождественны этимологически (Ср., впрочем, Мелиоранский, О. С., 292, прим.)»³².

Закончив эту цитату, можем сказать лишь, что А. Г. Преображенский был весьма близок к истине, так как очень точно воспринял суть соображений П. М. Мелиоранского. К сожалению, он совершенно напрасно не отделил древнерусского тюркизма *кощей* от тех побочных данных, которые только случайно созвучны с ним, т. е. слов, обозначающих тощего, костлявого человека. Этим он запутал и усложнил дело.

Что касается этимологического словаря М. Фасмера³³, то в нем не содержится ничего существенного в данном отношении, кроме ссылки на работы П. М. Мелиоранского о тюркизмах «Слова о полку Игореве», о замечанием: «altruss, košcej, koščij „Gefangener, Sklave, Diener, Knecht...“ aus turkotatar. košči „Trossknecht“ zu koš „Lager“».

Таким образом, здесь предусмотрены для древнерусского *кощей* все те же значения («пленник, раб, слуга»), как и у других авторов, что далеко не полностью отражает реальную действительность XII в. Впрочем, значение тюркского оригинала объяснено правильно (по Мелиоранскому), будучи передано немецким термином Trossknecht «обозный слуга», «погонщик». Заметим, что в русском издании словаря М. Фасмера перевод в этом месте ошибочен: «древнерусское кощей, кощии „отрок, мальчик, пленник, раб“ — из тюрк. košči „невольник“ от koš „лагерь, стоянка“»³⁴. В этом легко убедиться, сравнивая данный отрывок перевода с оригиналом.

Таким образом, мы видим на этих примерах, что научное наследие П. М. Мелиоранского используется и ныне далеко не в полной мере.

При этом следует отметить, что мы привели здесь лишь сравнительно небольшую часть всякого рода неправильных и неточных толкований, допускаемых при комментировании элементов древнерусской лексики с точки зрения их принадлежности к ориентализмам.

Если бы труды П. М. Мелиоранского изучались внимательнее, число подобного рода ошибок и неточностей было бы значительно уменьшено.

³² А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, вып. 5, М., 1912, стр. 375.

³³ M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1950—1958.

³⁴ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, II, 1967, стр. 362. «Отрок» и «мальчик» здесь не у места; вместо «стоянка» следует: «стан» (Lager).